

РОЛЬ ЗАПАДА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИКА РОССИИ

А.Д. Воскресенский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Несмотря на наличие в целом более или менее общего интеллектуального осмысления мира и его исторической эволюции, единой мировой политики и единой мировой системы, в ее современном сегодняшнем понимании, до XIX в. все же не существовало, а сосуществовали несколько несвязанных, но частично перекрещивающихся иерархизированных регионально-цивилизационных мир-систем (протоевропейская, исламская, китайская), из которых наиболее универсальной и наиболее открытой была европейская система, которая в силу своего универсализма и открытости для других государств оказалась наиболее привлекательной для всех участников международной жизни. Европейская система была привлекательной еще и потому, что она покоилась на стремительно развивавшейся экономической модели, на основе которой был создан современный уклад жизни. К началу XIX в. в европейской традиции начала формироваться концепция современного единого открытого для всех мирового сообщества равных государств, к которой к середине XX в. добавилась идея эволюции этих государств с разной скоростью к системе справедливого и полного участия народа в управлении государством всеобщего благосостояния (демократическое государство открытого социально-политического доступа с системой социальной поддержки), и модернизации современного типа, основанной на целенаправленно разрабатываемых массовых научно-технических инновациях, представляющих собой коммерциализи-

рованные научные открытия, меняющие мировой технологический уклад. Эти концепции и сформировали социальный облик современного человечества. Система европейского типа, единственная на тот исторический период, была открытой, т.е. она позволяла просто присоединиться к ней всем желающим государствам, которые принимали такую систему координат и готовы были соблюдать определенные правила, которые получили название «международное право». Этого оказалось достаточным, чтобы к такой системе постепенно стали присоединяться другие, периферийные, де-юре независимые и равные друг другу в этой системе государства, и, в частности, страны Азии и Африки, ранее входившие в другие, неевропейские иерархические системы (исламская, китайская), показавшие свою меньшую конкурентность, либо страны, входившие в европейскую систему сначала на подчиненных началах в качестве колоний и полуколоний. Здесь следует специально обратить внимание на тот факт, что все ранее существовавшие неевропейские международные протосистемы де-юре вообще никогда не признавали равноправие других государств. Они исходили из базовых принципов иерархии и подчинения, а степень зависимости внутри этой системы варьировалась в зависимости от исторической обстановки и геополитических соотношений, цивилизационных и религиозных установок, конкретных обстоятельств.

После Второй мировой войны, модернизирующаяся на этапе деколонизации Азия должна была выбирать одну из двух версий распространившейся на весь мир европей-

ской модели модернизации и развития – авторитарно-плановую модель, основанную на идеологии циклического чередования: мобилизация – стабилизация / застой – системный кризис / политическое «подмораживание» – «политическая оттепель», или демократическую рыночную, основанную на самоорганизации и экономической и политической конкуренции, а в дальнейшем и на системе открытого социально-политического доступа. В противоборстве этих тенденций и сформировалась современная авторитарная индустриальная и антиавторитарная постиндустриальная модель развития, а Восток вступил в этап политической модернизации, который продолжается до сегодняшнего времени. На этом этапе некоторые из незападных стран (включая страны Востока) сумели построить систему открытого социально-политического доступа, позволяющую избегать системных кризисов и догнать страны Запада, одновременно сохраняя свою культурно-национальную специфику, а некоторые так пока и не смогли выйти из повторяющихся циклов «мобилизация-стабилизация-застой-кризис».

Модель старого экономического уклада практически была исчерпана к концу XX в. Соответственно другие, незападные страны, которые приняли западную модель рыночной экономики и конкуренции, но с национальной спецификой, разработали свои варианты модернизации и стали догонять по некоторым параметрам лидеров мировой системы («догоняющая» модель развития), а некоторые, создав региональные версии системы открытого доступа, попытались дополнить или даже оспорить западную модель постиндустриального развития, привнеся в нее свои культурные параметры и свою специфику (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). Также появились страны, сформировавшие модель авторитарного регулирования частично децентрализованной экономики с частично ограниченным (по разным причинам и различным образом) социально-политическим доступом (Тайвань, Южная Корея, Сингапур). Такая модель показала свою успешность на конкретном историческом этапе, но некоторые страны сумели отойти от этой модели

(Тайвань, Южная Корея) и двинуться к построению консолидированного демократического общества с открытым социально-политическим доступом. Также эта модель, пусть осуществляемая на начальной стадии и в ограниченных сегментах экономической и социальной жизни общества, чуть позже привела к подъему коммунистического Китая и ограниченного количества авторитарных стран (Вьетнам, Куба при Рауле Кастро), но успех ее существования также стал подвергаться сомнению, поскольку неизбежно вставал вопрос о том, каков будет следующий этап развития этих обществ, на который сами эти страны пока не смогли дать приемлемого миру ответа.

Другие страны, не сумевшие сформировать хоть какую-то национальную модель модернизации и/или сформировать коалиции, способствующие усилению внешнего или регионального фактора модернизации, стали отставать в своем развитии. Так возник импульс к формированию новых правил функционирования мировой системы, которые должны были бы вступить в силу до перехода к новому экономическому и технологическому укладу, поскольку перешедшие к новому укладу получают возможность переформулировать правила мировой системы в соответствии со своими интересами, а не в соответствии с интересами всех, тем более, отстающих. Кроме того, у части участников и их политических элит, которые не могли похвастаться успехами в развитии, возникло желание сломать существующую систему, либо с помощью нелегитимного применения силы архаизировать принципы её организации. Особенно это желание было сильно у тех государств, которые не вписывались не только в формирующийся новый, но и в существующий политико-экономический уклад (страны с «неуспевающей» моделью развития).

На этапе завершения старого и формирования нового технико-экономического уклада стали возникать прообразы новых моделей конфигурации мирового политико-экономического пространства, и мир как бы «завис» на этапе эволюционного переходного периода к новому политико-экономическому порядку и новому научно-техническому

укладу. Возникла ситуация сосуществования в одном пространственно-временном ряду мирового развития современностей разного типа (А. Аппадурай)¹, воплощенных в макрорегионах и национальных государствах с социально-политической, социально-экономической и социально-культурной организацией разного структурного типа, а также и других, в том числе и новых акторов международных отношений и мировой политики. Конкретным выражением сосуществования современностей разного типа стало усложнение мировой структуры и увеличение номенклатуры мировых акторов: глобальных макрорегионов, международных регионов, национальных государств, крупных внутривосточных регионов со своей экономической, историко-политической и культурно-цивилизационной спецификой, негосударственных акторов (блоков, объединений, корпораций, неправительственных организаций и др.). Национальные государства продолжают оставаться основными традиционными политико-административными акторами международных отношений и мировой политики, но не во всех макрорегионах в равной степени и теперь уже не в единственном качестве, а в определенных областях (финансово-экономической, культурно-цивилизационной / религиозно-конфессиональной, к примеру) теперь уже могут и не являться самыми влиятельными или даже основными участниками мировых процессов (в разной степени в зависимости от макрорегиональной специфики), или же их влияние начинает заметным образом дополняться или, в некоторых случаях, оспариваться. Сосуществование современностей разного структурного типа и с разной системно-структурной организацией приводит к тому, что в одном пространственно-временном ряду сосуществуют традиционные и новые акторы международных отношений, а макрорегионы и национальные государства дифференцируются в соответствии со структурными принципами организации, что приводит к сосуществованию, в частности, и конфликтов старого и нового типов.

¹ Appadurai, Arjun. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

Тип политического доступа в конкретных национальных государствах, сочетание разных типов политического доступа в макрорегионах разной структурной организации, находящихся на разных исторических этапах развития, в конечном счете, влияет на стратегии развития, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, продолжают в значительной степени определять процессы формирования пространства мировой политики. Характер и степень дифференциации (однородности / разнородности) пространства мировой политики, в свою очередь, влияет на скорость эволюции систем социального доступа в конкретных государствах. Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социально-политического доступа в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространства мировой политики и заниматься социальной инженерией форматирования национального и мирового пространства с целью максимизации преимуществ для поступательного национального развития. Такого рода проблематика, политическая по своему характеру, не анализируется и не изучается в традиционных международных отношениях, а анализируется в таких сферах междисциплинарного исследования как сравнительная мировая политика, системно-структурная история международных отношений², кроссрегиональный политический анализ, сравнительная политология³ и мировое комплексное регионоведение⁴.

² Системная история международных отношений, 1918-2003; в 4 т. / Под ред. А.Д. Богатунова. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. [Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij (Systemic history of international relations), 1918-2003; v 4 t. / Ed. by A.D. Bogaturova. – Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2003].

³ Сравнительная политология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015. – 752 с. [Srvnitel'naja politologija (Comparative politics) / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoj. – Moscow: Aspekt-Press, 2015. 752 p].

⁴ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2015. –

МОДЕРНИЗАЦИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о связи экономической и политической модернизации⁵ и влиянии этих процессов на мировое развитие и мировую политику вращается вокруг двух стержневых гипотез. В соответствии с первой экономический рост сопровождается, а с определенного момента и поддерживает появление устойчивых демократических форм модернизированной политической системы. Экономический рост, основанный на расширении поля экономического взаимодействия и взаимосвязанности, укрепляется единством модернизирующихся политических систем. Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая контроль наиболее значимых параметров, а не абсолютно всех экономических, политических и социальных практик. Национальные государства становятся более открытыми, мир становится все более открытым, и динамика его поступательного развития основывается на все большей открытости. Эта гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов

448 с.; Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 416 с.; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 568 с. [Mirovye kompleksnoye regionovedenie. Vvedenie v special'nost' (World comprehensive regional studies: introduction to the professional field) / Pod red. prof. A.D. Voskressenski. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 p.; Mirovye kompleksnoye regionovedenie (World comprehensive regional studies) / Pod red. prof. A.D. Voskressenski. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 416 p.; Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoj politiki: uchebnik (World regional studies and world politics) / pod red. prof. A.D. Voskressenski. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 568 p].

⁵ Демократизация и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества. Издательство «Европа», 2010. – 318 с. [Demokratizacija i modernizacija. K diskussii o vyzovah XXI veka (Democratization and modernization. On challenges of the XXI century). – Moscow: Centr issle-dovaniy postindustrial'nogo obshhestva. Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 318 p.].

и политологов (А. Пшеворски, М. Алварес, Х.А. Чейбуб, Д. Асемоглу и др.), так и эмпирическими примерами. Этому взгляду соответствует политический лозунг «экономика предшествует политике» в его различных теоретических и практических вариантах, озвученных как политологами (С. Липсет, А. Пшеворски и др.), так и политиками (Дэн Сяопин, У. Клинтон, В. Путин и др.). В соответствии со второй гипотезой, подсказанной реальной жизнью и стихийно озвученной сначала политиками (В. Гавел, Л. Валенса), а затем в разное время политиками, экономистами и политологами (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс), существует обратная причинная связь – для ряда трансформирующихся обществ «политика может предшествовать экономике» – сначала нужно целенаправленно форсированными темпами модернизировать политические институты, не взирая на сопутствующую форсированную трансформацию национального суверенитета, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. В соответствии с этим предположением «демократия ... может начинаться в экономически слабых обществах»⁶, но укрепляющееся политическое единство, основанное на общем понимании характера и направления мировых политических процессов, неизбежно приведет и к экономическому расцвету. Укрепляющееся же политическое единство приведет к снижению национальной конкуренции, что и гармонизирует, в конечном счете, трансформируемые национальные суверенитеты. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некоторые частичные эмпирические подтверждения (опыт некоторых «малых стран» Африки и Восточной Европы). В то же время, она интенсивно дискутируется и оспаривается, к

⁶ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: Московский общественный научный фонд, серия «Научные доклады», 1999. – № 78. – с. 35 [Mel'vil' A.Iu. Demokraticheskie tranzity (teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty) (Democratization transition. Theoretical and methodological aspects). – Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, seriya «Nauchnye doklady», 1999, № 78, p. 35].

примеру, в «больших странах» – России и Китае, что косвенно свидетельствует о роли фактора региональной специфики в «больших странах», в частности, в связи с проблематикой трансформации суверенитета при одновременном обеспечении политического порядка, так и не нашедшей пока адекватного контекста в этой дискуссии и отброшенной как малозначущая. Соответственно центральной становится проблематика идеальной, т.е. наиболее конкурентной и одновременно наиболее стабильной модели экономического и политического устройства, приближения существующих к этой модели и степень допустимости региональной / страновой вариативности ключевых параметров⁷. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутристрановых трансформаций («подталкивание» vs. «стабилизация») и их влияние на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

В начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как бы сжиматься, а на первый план стали выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становилось проблематичным. В связи с этим и сами западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока (и вообще, регионов мира в целом) в мировой политике, пытаясь предложить но-

вое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри взаимосвязанных частей западного, открытого для обсуждения новых тенденций, и наиболее открытой и продвинутой части восточного политического и интеллектуального сообществ (Э. Саид, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. МакНилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, Р. Капур, М. Махатхир, К. Махбубани, М. Хагами, Н. Фергюссон, Р. Нейсбит и др.) о роли региональных факторов в экономико-политическом развитии мира, хотя сам термин «региональный фактор», по крайней мере, на начальной стадии дискуссии и не употреблялся. Затем реальность нового века (события «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из догм казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападноцентричным, объективистским объяснениям мировых политических и экономических процессов, пока все еще не представленным в виде целостных логически непротиворечивых объяснений. В соответствии с этой новой тенденцией, объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста⁸, существует три типа социального (точнее социально-политического) доступа: примитивный, естественный (в другой терминологии – ограниченный) и открытый.

Порядок социального (или социально-политического) доступа (иногда используются расширительные термины: социальный или социально-политический порядок) – это институализированная на основе легальных или неформальных / неформализованных правил система организации внутренней жизни общества и государства с точки зрения доступа к власти и форм властвования

⁷ Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2015. [Demokratii XXI veka: smena paradigmy. Analiticheskii doklad Fonda ISEPI i gruppy zarubezhnykh avtorov (Democracies of the XXI century. ISEPR Research). – Moscow: Izdatel'skii dom Akademii im. N.E. Zhukovskogo, 2015].

⁸ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Издательство института Гайдара, 2011 [Nort D., Uollis D., Vaingast B. Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva (Violence and social orders. Conceptual framework for interpretation of human history). – Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2011].

посредством упорядочивания применения насилия, либо угрозы его применения и выполнения процедур и правил, обеспечивающих формальную или неформальную социальную организацию и управление государством и обществом.

Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее – фрагментах) мира. Существование естественного (ограниченного) социального порядка (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных структурно-временных дифференцированных этапов) проходит в свою очередь определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, судя по всему, существуют и структурные подтипы временных этапов естественного социального порядка, по-видимому, уже на этапе зрелого естественного государства: архаизированный и традиционалистский, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Эти подтипы соответствуют разным временным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает существенное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни этих сообществ. По-видимому, существуют и разные подтипы государств открытого социального порядка, во всяком случае, можно говорить о европейской и американской модели, но этот вопрос по разного рода практическим причинам (необходимость консолидации стран открытого социального доступа) в политической теории подробно не рассматривался, просто потому, что переход к новой, более продвинутой и совершенной социальной модели был важнее фиксации различий внутри этой модели. Сегодня примерно половина всех существующих государств принадлежат к государствам с естественным социальным порядком, практикующим ограниченный социальный и политический доступ. Кроме этого, существует и социально-

политический порядок открытого доступа, который создали, активно поддерживают и развивают 25 государств. Круг государств с системой открытого доступа постепенно расширяется и сегодня их количество приближается к 100. Этап самого значительного расширения государств с таким типом порядка социального доступа пришелся на период после распада СССР. Государства с естественным и открытым социальными порядками активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40–60 государств: 25–30 государств с открытым социальным порядком и 20–30 государств с естественным социальным порядком охранительного характера. По мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни, либо ее продления, формы этой конкуренции смещаются от военных, включающих теперь и оружие массового поражения и приводящих к неисчислимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, соревновательного развития. Остальные государства либо пользуются в той или иной степени порядком открытого доступа, импортировав соответствующие институты, либо не могут его построить в силу причин, прежде всего, внутреннего характера.

К естественному (социально-политический порядок естественного доступа) принадлежит большее количество государств, но открытый (социально-политический порядок открытого доступа) создал более высокий уровень жизни, защитил его мощнейшим военно-политическим блоком, покоящемся на фундаменте высокоинтегрированной экономики, быстрее реагирует на непредвиденные политико-экономические обстоятельства и активно расширяется. Этот социально-политический порядок является в целом более конкурентным и более легитимным, поскольку основан на демократическом правлении, подразумевающим прямое участие народа в управлении через систему открытых и транспарентных выборов и строго оговоренную по срокам и

процедурам периодическую ротацию политических и экономических управленцев, позволяющую привлечь считающихся большинством в обществе профессионально наиболее компетентными на срок, в течение которого возможно биологически рационально воспользоваться их компетенциями в максимальной степени, но без применения системы насилия, принуждения или прямого / косвенного экономического подкупа за счет других граждан-налогоплательщиков. Такой социальный и политический порядок лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах показывает меньшую глубину падения и отката назад, создал политические предохранители против возникновения системных кризисов и, в силу этого, стабильнее и в целом интенсивнее и быстрее развивается, создавая населению более благоприятные условия существования, основанные, по крайней мере, последние 200 с лишним лет на массированном внедрении интеллектуальных инноваций (социальных и технологических), в частности, приходящих и через эмиграцию квалифицированных специалистов, не могущих найти для себя адекватной ниши для творчества и полной реализации своих способностей в тех странах с порядком естественного социального доступа, из которых они уехали.

К государствам с открытым социально-политическим порядком, ядро которых достаточно компактно расположено в Европе и Северной Америке, примыкает географически разнородная группа государств переходного типа, которые движутся в направлении построения системы открытого социального доступа, но находятся на разных исторических этапах этого процесса. В количественном отношении группа государств с открытым социально-политическим доступом, неконсолидированного или переходного типа составляет примерно половину государств-членов мирового сообщества, это самые активные его члены, формирующие все еще разрозненную, но в целом исторически укрепляющуюся систему многосторонних институтов глобального управления. Количество государств с системой ограниченного социально-политического

доступа постепенно сокращается, в основном потому, что реальной альтернативы социальному порядку открытого доступа не предложено, несогласие с ним касается некоторых параметров этой системы как неприемлемых по историко-культурным, религиозным или экономическим соображениям для ограниченных сегментов политической элиты ряда государств.

Упрощая, можно сказать, что система открытого социально-политического доступа (демократическое правление) предоставляет возможность участия в управлении всем гражданам на основе транспарентных условий, понятных всему обществу и консенсусно одобренных им, но, одновременно, не означает простого доступа к управлению всех и каждого, так как и эта система обладает своими заградительными механизмами и жесткими принципами отбора. Однако эти заградительные механизмы и принципы отбора (душевное здоровье, образование, компетенции, квалификация, подтвержденные самостоятельно и индивидуально, а не сфальсифицированными дипломами; морально-нравственные качества и др.) не включают в себя априори этнические, конфессиональные, социальные или идеологические критерии. Критерии социально-политического доступа в этой системе транспарентны, рациональны, одобряются и поддерживаются всем обществом, в частности, путем открытой дискуссии и конкуренции политических программ.

Система открытого и равного доступа не анархична, как это могло бы быть неправильно интерпретировано на основе ее названия, она позволяет методами социальной инженерии на основе жестких, но открытых и транспарентных критериев, консенсусно признаваемых обществом, выдвинуть к государственному управлению наиболее талантливых и подготовленных вне зависимости от их расовой, этнической, конфессиональной принадлежности или политических убеждений, если они не являются экстремистскими и не подрывают существующего конституционного строя. Она также позволяет осуществлять управление в течение приемлемого срока с точки зрения биологически оправданных условий концентрации нена-

сильственным путем усилий конкретного индивидуума на направлении его интенсивной управленческой деятельности. Т.е. система открытого доступа – это как бы жесткая, но одновременно гибкая «сетка» политических, экономических и общественных институтов / социальных правил, «вплетенная» в социум таким образом, что внутри каждой ячейки допускается свободное развитие, направляемое этими институтами и ограниченное «только» рамками конституции.

Учитывая основные тенденции развития человечества и принципиальную ограниченность природных ресурсов, логично предположить, что в усложняющихся внешних и внутренних условиях поступательного развития при наличии ядерного оружия выработка дальнейшей внешней и внутренней политики государств будет нуждаться не в опоре преимущественно на силовые методы, ограниченные возможным применением оружием массового уничтожения, которое приведет к гибели всего человечества как биологического вида, а в умении договариваться с другими, т.е. во все более полном социальном консенсусе при одновременном внутреннем упорядочивании. В противном случае системные кризисы и кровопролитные войны прошлого становятся неизбежными, и мы вынуждены будем констатировать, что человечество по мере своего исторического развития ничему не учится и не воспринимает исторический опыт, даже придумав оружие своего собственного уничтожения как биологического вида. Хотя точка зрения о возможности допустить развязывание третьей мировой ядерной войны сегодня также существует, она связана все же в основном с недостатками при передаче исторического опыта через системы образования, т.е., в конечном счете, с малой конкурентностью систем образования и науки, т.е. ненаследственных (а, возможно, и наследственных) систем продуцирования и передачи знания, а также потерей умения форматирования биологического начала в человеке (в частности, агрессивности) посредством методов социальной инженерии.

Если мы исходим из того, что при достижении определенного уровня экономического развития ослабление контроля над

социально-политическим доступом становится неизбежным, что в свою очередь способствует ускорению экономического развития через максимально возможную добровольную и сознательную мобилизацию масс на основе общей культурно-ценностной идентичности, а не на основе принуждения (прямого или косвенного), то мы рано или поздно зададим себе вопрос, а почему же представители политической элиты не озаботятся вопросом о том, как ввести в своих странах демократическое правление. Действительно, к концу 1990-ых годов около 120 стран мира (т.е. более 60% всех стран) избрали политические режимы выборной демократии. Этот факт и послужил основой для выдвигания С. Хантингтоном концепции «третьей волны демократизации»⁹. Однако к концу 1990-ых наметился явный откат, и дальнейшего углубления и расширения процесса демократизации не произошло. Связано ли это с какими-либо неудачами, или же возможными ограничениями в этом процессе? Ответ на эти вопросы представляется отнюдь не тривиальным и не таким уж простым. Прежде всего, он связан с оценкой или переоценкой прогностических способностей политической науки и необходимостью усиления метода политического анализа инкорпорированием кроссрегиональных аналитических методик, но также и в целом с возможностью правильно интерпретировать характер и прогнозировать ход мировых политических процессов, его региональных и внутривнутриполитических составляющих.

К концу XX века возникло достаточно много новых явлений, которые вызвали незавершенность процесса модернизации для ряда обществ, а соответственно торможение процесса перехода от этапа модернизации к этапу постмодернизации для обществ, которые достигли уровня экономического развития, который и позволял в принципе начать такой переход.

Прежде всего, страны, начавшие переход

⁹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с. [Huntington S. Tre't'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka (The Third Wave: Democratization at the end of the XXth century). – Moscow: ROSSPEN, 2003, 369 p].

от этапа модернизации к этапу постмодернизации и от этапа естественного социально-политического доступа к построению системы открытого доступа, в силу многих причин как бы «зависли» на этапе перехода в «серой зоне» не авторитарных, но и не демократических государств. Введя выборность, эти страны не смогли из-за опасности возможной политической нестабильности при изменении системы обеспечения политического порядка или не захотели по каким-то причинам (в том числе внутривнутриполитическим или внутрикорпоративным) продвинуться дальше на пути построения системы открытого социально-политического доступа, что заставило кардинальным образом пересматривать все основные положения такого нового формирующегося направления политической науки как транзитология (transition studies). Это, в частности, в свою очередь, привело к формулированию концепций «нелиберальной демократии» (Ф. Закария), «суверенной демократии» (В. Сурков), «гибридных политических режимов», «незападной демократии»¹⁰.

Далее возникла проблема сравнения реальной эффективности управления демократических режимов и авторитарных. Дело в том, что ранее были сформулированы правильные теоретические представления о том, что демократическое правление в целом более эффективно, чем авторитарное, что и приводит, в конечном счете, к постепенному отмиранию авторитаризма и, теоретически, к всеобщей демократизации¹¹. Однако к концу XX в. возник целый ряд популистских режимов (Венесуэла, Боливия), которые стали успешно эксплуатировать неспособность ряда стран с политическими режимами неконсолидированной демократии решать проблемы

бедности, социальной справедливости, экономического обнищания некоторых сегментов общества или даже целых социальных классов. Более того, оказалось, в целом, недооценена способность отдельных авторитарных режимов к самореформированию и повышению внутренней конкурентоспособности, в то время как события «арабской весны» в целом подтвердили тенденцию отмирания наиболее одиозных и неэффективных вариантов авторитарного правления. Так, на конкретном историческом этапе возникла неожиданная для многих политиков и политологов проблема своеобразной конкуренции моделей развития не только между демократиями и автократиями, но и между конкурентными авторитарными или гибридными политическими режимами (к примеру, социализм с китайской спецификой в КНР) и расхитительскими режимами различного типа: brutальным персоналистским или идеологическим / клерикальным авторитаризмом (Ливия и др.), безответственными неконсолидированными демократиями (некоторые африканские и азиатские государства). Кроме того, и некоторые старые демократии (к примеру, Индия) при ближайшем рассмотрении оказались подвержены порокам, которые, казалось бы, при такой долгой истории демократического развития должны были уже исчезнуть или же быть сведены к минимуму. Однако бедность и коррупция в этих странах так и не преодолены, а расслоение в обществе продолжало углубляться, несмотря на экономический рост и явные успехи в новых сегментах экономики (электроника, хай-тэк, фармацевтика, программирование и др.).

Оказалось, что хотя в целом глобальный капитализм и обеспечил невиданные ранее темпы экономического развития – с 1970-ых годов мировая экономика выросла как минимум в четыре раза – так и не удалось создать модель рыночного развития без периодических экономических кризисов и необходимости ребалансирования, а самая современная версия экономического строя – глобальный финансовый капитализм – оказалась сопряжена еще и с таким новым явлением как большая финансовая волатильность. Несмотря на то, что причины всех этих новых явлений уже получили

¹⁰ Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. (Русское издание см. Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворски. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 598 с. [Demokratiia v rossiiskom zerkale (Democracy in a Russian mirror) / Red.-sost. A. Migranian, A. Pshevorski. – Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. 598 p.]

¹¹ Archibugi, Daniele, Mathias Koenig-Archibugi and Raffaele Marchetti. Global Democracy. Normative and Empirical Perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

свое объяснение в исследовательской литературе, государства и мировое сообщество в целом так и не выработали надежных механизмов предотвращения мировых кризисных явлений финансово-экономического плана, а некоторые политические режимы увидели в этом опасность влияния на внутренние процессы, включая возможность дестабилизации внутреннего политического порядка извне.

Кроме этого, в политико-экономической сфере государства-лидера мировой системы – США – возникли абсолютно новые явления политико-экономического характера: государство-гегемон стало постепенно трансформироваться в государство-доминант и государство-лидер, но при этом содержание категории мирового лидерства в силу факторов объективного и субъективного характера оказалось подвержено изменению. Способствовали этому как внешние, так и внутренние причины в мировой системе, которая достаточно далеко продвинулась на пути глобализации за последние два с лишним десятилетия, но все же не смогла глобализироваться полностью. Некоторые государства с другой системой социального доступа постарались ускорить эрозию мирового лидерства США, дополнительно подорвать это лидерство военно-террористическими способами (события «9/11» и террористические акты в разных странах мира), запугав гражданское население и вынудив власти в условиях военно-политической и экономической нестабильности прибегнуть к жестким мерам усиления порядка. Это привело к секьютеризации проблемы выбора политического и экономического развития на фоне военного вмешательства США при президенте-республиканце в дела целого ряда государств и регионов для того, чтобы отомстить за террористические акты в отношении США. Однако решающую роль в процессе трансформации мирового лидерства все же сыграли внутриамериканские фискально-финансовые и политические факторы.

Политическая система США оказалась поляризована в гораздо большей степени, чем это казалось возможным ранее; формирование внутривластного консен-

суса в США и особенно между разными ветвями политической власти оказалось затрудненным, а внешние «малые» войны США, в которых значительную роль играли внутривластные и нередко эгоистические американские интересы, не привели к окончательной победе более менее справедливой рыночной экономической системы и демократии во всем мире. Таким образом, на практике переход к системе открытого социально-политического доступа оказался обусловлен в современных экономических и политических условиях необходимостью сохранения достаточно жесткого политического порядка во всех сегментах мирового пространства, а в некоторых случаях даже введением мер его дополнительного обеспечения некоторыми странами, особенно в периоды возникновения мировой финансово-экономической турбулентности и опасности мирового терроризма. Понятно, что в условиях необходимости повсеместного ужесточения политического порядка, а также все усиливающегося противодействия неизбираемых элит стран с социально-политическим порядком ограниченного, и особенно, архаичного доступа, введению порядка открытого социально-политического доступа в глобальном масштабе, процесс демократизации застопорился, а в некоторых региональных сегментах мира обнаружился даже явный откат.

Как было отмечено выше, порядок социально-политического доступа – это институализированная на основе легальных или неформальных / неформализованных правил система организации внутренней жизни общества и государства с точки зрения доступа к власти и форм властвования. Порядок социально-политического доступа является важной, но не единственной составной частью политического порядка – системы институтов, норм, правил и мер, обеспечивающих упорядочивание и устойчивость политической и политико-экономической сферы общества и государства, включая (но не ограничиваясь ими), в том числе, кодифицированное использование угрозы легальных и легитимных репрессивных мер в отношении уклоняющихся и / или сило-

вых мер в отношении неподчиняющихся легальным и легитимным требованиям власти. Политический порядок связан с тремя социальными институтами: государством, системой правопорядка и системой эффективного государственного управления. Эти институты начали трансформироваться в новое качество, но их трансформация оказалась незавершенной, более того – сама модель трансформации оказалась сильно подверженной воздействиям различного рода. Таким образом, политическое развитие не только оказалось сложным и многосоставным процессом, но оно в разных обществах, сосуществующих в одной пространственно-временной плоскости, представляет собой разную степень равновесия составных частей общественной системы, обеспечивающих открытый социально-политический доступ и, одновременно, поддерживающих политический порядок. Такое определение политического порядка на определенном историческом этапе вступило в прямое противоречие с его пониманием влиятельными сегментами национальных элит, в том числе и частью американской политической элиты, которая увязывала переход к открытому социально-политическому доступу в других странах не только с большей открытостью, демократичностью и справедливостью этого порядка, но и с неперменной большей восприимчивостью к узко понимаемой, а иногда и просто своекорыстной составляющей американских национальных интересов. Это вызывало напряжение во взаимоотношениях США с некоторыми странами и, особенно, с политическими режимами гибридного типа в крупных странах, находящихся на этапе построения национальной системы открытого социально-политического доступа. Определенные сегменты американской (и в целом, западной) политической элиты хотели играть не просто определяющую структурную роль в переходе к будущему режиму только-только нарождающейся глобальной демократии и его защиты, но в сохранении для своей страны / стран максимально благоприятного политико-экономического положения в новой системе отношений. Понимание политической модернизации не просто как процесса линейного движения по этапам

системы социально-политического доступа от стадий ограниченного доступа (естественный доступ) к более открытым стадиям (открытый доступ), но также и как процесса определенного соотношения и равновесия факторов, обеспечивающих социально-политический доступ, его большую, или меньшую открытость, и институтов обеспечения политического порядка объясняет мировую политическую динамику во всей ее сложности и социально-политической конкретике.

Ранее считалось, что переход от естественного социально-политического порядка к открытому в национальных сообществах происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития и повышения экономического благосостояния; главное только понять и осознать эту историческую закономерность, подобно тому, как в свое время в некоторых государствах была «осознана» и «обоснована» историческая закономерность неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе. Однако, эти гипотезы пока полностью не подтверждаются практикой общественного развития. В более позднее время они были дополнены концепцией необходимости гегемонии, а затем – структурной гегемонии (С. Стрейндж), еще позже – лидерства, т.е. наличия ведущей державы или коалиции ведущих держав, которые обеспечивают и закрепляют расширение системы открытого социально-политического доступа в мировом масштабе и гарантируют невозможность отката и попятной архаизации мировой системы или ее ключевых сегментов. В настоящее время часть американских и европейских исследователей и политиков стала считать, что построение системы открытого социально-политического доступа – есть некоторая спонтанная аномалия социальной эволюции, невозможная для повторения всеми странами в силу их интеллектуальной и социально-политической неготовности к этому. Параллельно возникло объяснение, в соответствии с которым в действительности переход части государств к системе открытого доступа имел свою собственную жесткую логику: императив экономического развития, основанного

на создании рыночного пространства шире, чем территория национального государства, с распространением его на все мировое сообщество, приводит и к трансформации национального суверенитета повсеместно таким образом, чтобы обеспечивать контроль только ключевых параметров, без чего было бы невозможно как активное принятие извне инвестиционных, финансовых, торговых и миграционных потоков, так и свое собственное расширяющееся экономическое проникновение на внешние рынки. Понимание этого императива требовало трансформировать и развить теории национальной и международной безопасности, адаптировав их к императиву трансформации параметров национального суверенитета, обеспечивая адекватное соответствие этих параметров стратегической идее обеспечения развития. Необходимость поддержания высокого уровня технологического развития и использование миграционных потоков извне как способа решения демографических проблем и «притока мозгов» требовал применения новых методов социальной инженерии посредством введения открытого международного доступа к высококонкурентным национальным системам образования, науки и транспарентных механизмов финансирования этого процесса. Появление крупных иноэтничных компонентов в результате многолетней миграции и необходимость инкорпорирования диаспор в иное по этническому составу общество на условиях равноправия способствовало концептуальному оформлению этого процесса (теории «плавильного котла», мультикультурализма и др.) и принятию системы открытого социально-политического доступа как ответа на решение вопроса о системном кризисе в результате изменения демографических параметров и этнической составляющей сложной социальной системы, которая по каким-то причинам ограничивает социально-политический доступ на основе этнонационального, этноконфессионального, социального или какого-либо иного критерия. Однако введение этих новых параметров развития должно сопровождаться эволюционным изменением политического порядка при сохранении в целом его стабильности. Если же система политического порядка в стране по

каким-то причинам подвергается опасности дестабилизации извне или изнутри, то необходимость сохранения стабильности может перевесить необходимость развития.

При всем своеобразии исторического развития конкретных государств с системой естественного (ограниченного) социально-политического доступа можно, тем не менее, выделить его общую составляющую – системные кризисы, которые периодически возникают в обществе такого типа. Разные по природе и формам проявления они обычно приводили к значительному снижению эффективности осуществления легитимных норм обеспечения правопорядка при его формальном ужесточении, а повышение эффективности выделось в проведении правовой политики. Опыт истории свидетельствует, что проблема циклического возникновения системных кризисов (кризисов легитимности) в обществах ограниченного социально-политического доступа не может быть решена только юридическими / правовыми средствами, что и формирует безальтернативность введения социальных и политических порядков открытого доступа, поскольку это уменьшает вероятность социально-политических кризисов, т.е. способствует переходу всей мировой системы в целом в более стабильное состояние, поскольку уменьшает нестабильность ее региональных и страновых сегментов. Однако такая постановка вопроса не исключает, а предполагает необходимость понимания пространственной и временной специфики в этом процессе.

В соответствии с нелиберальными политическими теориями, можно управлять обществами без социальной системы открытого доступа, периодически (или постоянно) применяя силу или угрозу применения силы для обеспечения подчинения народа неизбираемым элитам и, одновременно, постоянно подвергаясь опасности системного кризиса, приводящего к массовому неповиновению народа и полной или частичной замене неизбираемых элит. Открытое конкурирование интересов, соподчинение на основе системы транспарентных правил через достижение национального консенсуса предполагает построение социально-политической си-

стемы открытого доступа в соответствии с либеральными политическими теориями. Однако, при теоретической правильности этого постулата, страны со зрелой системой ограниченного социального доступа при переходе к системе открытого социального доступа могут легко попасть в ловушку противоречия, заключающегося в противоборстве тенденции к стабилизации, равновесию и дальнейшему изменению, преобразованию. Нередко встречается ситуация когда желание несменяемого / пожизненного правления прикрывается лозунгами обеспечения правопорядка и стабилизации, а желание перемен выдается за подрыв правопорядка. Известны и обратные примеры, когда под прикрытием оппозиционности речь идет о нелегитимном или насильственном завоевании власти. В этой ситуации возможности осуществления циклической модели мобилизация-стабилизация оказываются полностью исчерпанными, развития общества не происходит, но преодоление этого тупика не представляется возможным в силу внутренних социально-психологических и культурно-исторических причин. При этом часть общества не хочет и не может доверить политической элите принятие решений, априори признаваемых не только легальными, но и легитимными, однако самым часто предлагаемым рецептом выхода из сложившейся ситуации предлагается лишь повышение легитимности путем ужесточения легальности и приведения ее в адекватный запросам части общества вид. Такая политика чревата изменениями революционного типа; однако возможная коренная смена элит в ходе этого процесса неминуемо приводит к меньшей эффективности при отстаивании своих интересов гражданским обществом, а нередко к полной деконструкции хрупкого гражданского общества и/или откату в социальном, политическом, а части и экономическом развитии. Т.е. дальнейшие изменения, преобразования, модернизация обществ при сохранении внутреннего порядка, регулирующего изменения в направлении повышения их положительного, конструктивного характера, а не препятствующего таким изменениям и без повышения деструктивного характера изменений – главная задача

следующего этапа политического развития стран,двигающихся в направлении построения социально-политического порядка открытого доступа. Следовательно, возникает политическая проблема характера (конструктивного или деконструктивного) и пределов вмешательства государства (либо каких-либо его функциональных частей) в сугубо гражданские политические процессы, но при этом одновременно усиливается необходимость соответствия гражданских и политических процессов законам государства, что связано с конструированием такой системы государственных институтов общественного порядка, которая бы обеспечивала соответствие политической конкуренции законам страны, а политические и общественные институты должны конкурировать таким образом, чтобы не подрывались основы конституционного и общественного порядка и не нарушались нормы правопорядка.

Но потребность в демократическом устройстве может вызревать в других странах иначе, чем в странах Запада, где развитие свободного общества и экономических отношений рыночного типа сопровождалось последующим формированием демократических институтов и всеобщего избирательного права.

Так на постсоветском пространстве демократический импульс большинства, выраженный меньшинством и направленный против монополии правящей партии коммунистов на власть, возник до формирования демократических ценностей и частной собственности. В итоге новая политическая система в этих странах зависла на начальных ступенях политических и экономических преобразований, а власть, политическая элита и общество не сумели изменить сложившееся веками отношения между собой, в результате чего сформировались авторитарные системы государственного капитализма, архаизированные автократии или гибридные политические системы.

Способы формулирования и конституционного закрепления личных прав и свобод человека в каждом государстве различны. Это связано с неравномерностью экономического и политического развития стран, неодинаковостью политических и правовых

систем и традиций. Кроме того, причина разных подходов кроется в уровне политической и правовой культуры, связанной с различным национальным восприятием норм международного права. Государственное регламентирование в области прав человека обнаруживает сильное разнообразие, но на современном этапе можно констатировать процессы сближения правовых систем и установления схожих минимальных стандартов прав и свобод человека в национальных законодательствах государств. Существуют и системы регионального нормативного уровня, которые дополняют универсальные положения, а в некоторых отношениях и повышают степень требовательности к защищенности и эффективности реализации прав и свобод человека. Следовательно, возникает проблема сравнения степени реальной защищенности и эффективности реализации прав и свобод человека в различных политических системах и соответствующих им системах обеспечения внутреннего порядка или в однотипных политических системах, находящихся на различных исторических этапах своего развития. Эта проблема может, в частности, трансформироваться в проблему «двойных стандартов», различных концепций обеспечения прав человека и служить инструментом регулирования межгосударственных отношений или форматирования международного порядка.

Таким образом, если мы признаем влияние культурной и социально-психологической специфики, особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, то должны также признать, что в зависимости от своего характера и интенсивности влияния эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа социально-политического порядка, так определять специфику конкретных этапов развития социальных порядков; они могут затруднять или препятствовать переходу от одного типа социального порядка к другому, могут возвращать общества с переходными подтипами социального порядка на колею развития циклического типа. Выделение структурных подтипов естественного (ограниченного) со-

циального доступа на зрелом этапе его развития в зависимости от характера исторического этапа позволяет управлять развитием не только социальных и политических, но и культурных и социально-психологических процессов в обществе определенного типа, а эти процессы, в конечном счете, влияют и на формирование типов и моделей внешнеполитического взаимодействия государства.

Переход от одного этапа к другому внутри социальной системы естественного доступа связан с повышением эффективности государства или, в терминологии китайского профессора Хэ Чуаньци, успешности проведения первичной, вторичной и интегрированной стадий модернизации¹². Первичная модернизация связана с индустриальной эрой, вторичная – с информационной, а интегрированная понимается как совокупное состояние двух стадий, фиксирующее характер их взаимного соотношения в данной стране и отличие от передового уровня такого соотношения. Таким образом, в современных условиях переход к системе открытого социально-политического доступа возникает на переходном этапе зрелого естественного государства (по-видимому, на стадии перехода от гибридного политического режима к неконсолидированной демократии) при понимании исчерпанности путей первичной модернизации для данного государства – т.е. по теории профессора Хэ Чуаньци при реализации большинства из возможных для данной страны индикаторов первичной модернизации на 100%, либо при превышении доли индикаторов вторичной модернизации над индикаторами первичной (выход в фазу вторичной модернизации).

Такая постановка вопроса смещает практический акцент от исследования траекторий режимных трансформаций и вариантов перехода других обществ к осознанию подтипа зрелой системы естественного доступа, на котором находится данное конкретное об-

¹² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. – М.: Издательство «Весь мир», 2011 [Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001-2010) (Review of modernization in China and the world) / Pod red. Khe Chuan'tsi. – Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2011].

щество, анализу составных характеристик этого этапа, включая внешнеполитические компоненты, и выявлению путей повышения эффективности государства, которая бы способствовала переходу к более зрелому этапу естественного доступа, на котором возможно начало успешного формирования консенсуса политических элит об исчерпанности циклических моделей, уже не обеспечивающих развитие в условиях современного общества, и необходимости определить пути формирования ключевых параметров открытого доступа, а также к обсуждению национальной версии этих ключевых параметров, если этого требует национально-историческая специфика развития конкретного общества. Но при этом возможное наличие национально-исторической специфики не должно подменять систему открытого социально-политического доступа системой ограниченного доступа, поскольку мировая политическая наука сегодня позволяет достаточно четко, на основе детально проработанных научных критериев (как качественных, так и количественных) отделить один тип социального доступа от другого. Естественно, что все это становится практически невозможным, если стихийно или целенаправленно продолжает усиливаться социальная архаизация и деградация общества.

Понимание политической элитой страны исчерпанности первичной модернизации и осознание необходимости продвижения в фазу развития вторичной модернизации, по видимому, и формирует национальный консенсус необходимости обсуждения путей и ключевых параметров введения системы открытого социально-политического доступа как базового условия вступления в фазу расцвета вторичной модернизации, без которой конкуренция с другими государствами, ранее уже вышедшими на эту фазу своего развития, становится, в конечном счете, заведомо проигрышной. Эта стадия политического развития – выход за циклическое воспроизведение моделей «мобилизация – стабилизация» и «подмораживание – размораживание», которые не обеспечивают нормальное поступательное развитие государства в современных условиях, неизбежно влияет и на

формирование внешнеполитических стратегий государств.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СОВРЕМЕННОГО МИРА

В процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль, судя по всему, играют не только естественно-существующие (уровень экономического, политического, социального и правового развития конкретного общества), но и сформированные или формируемые путем социальной инженерии факторы: определенный уровень экономики и соответствующей ей социальной структуры, понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социально-политического порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов. Эта модель позволяет строить современные устойчивые политические и социальные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую экономическую модернизацию, без которой, в свою очередь, невозможно построить сильное, благополучное и свободное государство. Такой комплексный подход позволяет понять внутреннюю связь между формами социального порядка и политическими системами, т.е. роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового политико-экономического пространства, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс мирового развития, т.е. анализировать и прогнозировать влияние разных типов социальных порядков на взаимоотношения государств в международной сфере. Это способствует пониманию причин существования разных теорий объяснения международной реальности (реализма, идеализма, прагматизма, конструктивизма и др.), а также западноцентричных и незападноцентричных подходов к международным отношениям и мировой политике.

Таким образом, со второй половины XX в. политическая система мира хотя и приобрела глобальность прежде всего с точки зрения необходимости экономического объединения и управленческой координации для ответа на экономические кризисы и глобальные вызовы новой эпохи, реальная мироцелостность пока так и не возникла, т.е. политическая система мира оказалась состоящей из государств разного типа, с разными типами порядка социально-политического доступа и разными стратегиями развития, а именно:

а) из государств с социально-политическим доступом естественного (ограниченного) типа. Эти государства ориентированы на межгосударственные отношения Вестфальского типа, они признают и отстаивают принцип национального суверенитета прежде всего в категориях жесткого реализма в международных отношениях. В зависимости от зрелости типа ограниченного социально-политического доступа и конкретной внутривластной организации власти, эти государства допускают войну как способ решения проблем внутренней и международной политики. Однако на зрелом этапе развития естественного социального доступа осуществление военных действий как способ ведения международных отношений было кодифицировано положениями международного права и обусловлено неременной необходимостью отпора агрессии со стороны другого государства / государств, а применение силы требовало или консенсуса постоянных членов Совета Безопасности ООН или принятие соответствующей резолюции, дающей право (мандат ООН) на внешнее вмешательство и/или применение силы. При этом в любом случае применение военной силы допускалось только после того, как все дипломатические методы решения конфликта были полностью исчерпаны и международное общество в принципе согласилось с этим. Государства социально-политического доступа ограниченного типа называют также государствами Модерна, или Вестфальскими государствами;

б) из государств с открытым типом социально-политического доступа. Государства этого типа в ходе интеграционных

процессов в значительной степени перераспределили свой суверенитет в рамках наднациональных и внутринациональных институтов. Отношения между собой они регулируют с помощью различных инструментов кооперативизма: либерального институционализма, кооперативной гегемонии, демократического мира, а в отношении государств с другим типом социально-политического доступа могут применять весь арсенал международных инструментов, в том числе при определенных условиях жесткий реализм, санкции, гуманитарные интервенции, принуждение к миру и даже, как правило все же в редких случаях и при определенных условиях, военные интервенции. Эти государства называют государствами пост-Модерна, или пост-Вестфальскими государствами, хотя все эти названия только частично отражают характеристики современной системы международных отношений. Эти государства руководствуются международным правом и, одновременно, необходимостью защищать социально-политический порядок открытого доступа как структурно более уязвимый к внешним угрозам в том числе и военным путем, хотя конкретную ипостась политической власти в этих странах нередко упрекают в применении «двойных стандартов», злоупотреблениях или же в каких-либо эгоистических соображениях. Если эти обвинения обществом признаются достаточно весомыми или, что бывает крайне редко, подтверждаются судом, то происходит обязательная смена представителей конкретного политического режима / власти / правящей партии или коалиции на следующих выборах в ходе голосования народа или же в результате процедуры вотума недоверия (импичмента);

в) государств с примитивным или архаическим типом социально-политического доступа. Это в основном государства традиционной культуры, ориентированные нередко на автаркию и строящие отношения внутри государства и вовне – с другими членами международного сообщества – в значительной степени на довестфальских принципах (семейных, родоплеменных, клановых, архаизированных, иерархических и т.п.). Многие из этих государств в прошлом

были колониями, некоторые не имели своей государственности, не выступали самостоятельно на мировой арене. Государства такого типа называют государствами пре-Модерна, или до-Вестфальскими государствами. Государства этого типа во внутривнутриполитической жизни в основном руководствуются даже не правом, а системой традиционных, племенных, клановых норм и соответствующей системой традиционных социальных институтов, которые могут иметь современные названия и даже вполне современную форму. Эти государства неофициально могут придерживаться традиционных норм, отношений и иерархий прошлого и в современных международных отношениях (к примеру, М. Кадаффи приезжал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН со своим традиционным шатром и принимал в нем лидеров других государств, в традиционалистских государствах с историей длительного кочевого развития принято одаривать скакунами, традиционными видами оружия и т.д.), однако в силу своего обычно слабого экономического положения и зависимости от внешнего мира в целом все же исходят из общепринятых норм международного права, поскольку являются членами ООН.

Наряду с этими тремя основными группами государств выделяются несостоявшиеся государства, государства непризнанные или частично признанные, которые оказались в той или иной степени «выпавшими» из мировой политической системы, но при этом существуют в реальности на определенных территориях и имеют свое население. Эти государства и государственные образования в целом ряде случаев и по различным причинам могут вообще не придерживаться норм права, в том числе и международных.

Наличие государств разного типа, пусть и в других пропорциях, чем в прошлом, а также связанных в большей степени, чем раньше глобальными связями взаимозависимости, определяют сохранение в мире конфликтности старого и одновременно переход к конфликтности нового типа, т.е. незавершенность переходного периода в современных нам международных отношениях – именно это характеризуют

специфику современного исторического этапа развития человечества. Поэтому современные официальные парадигмы международных отношений в рамках специализированных государственных институтов, особенно в государствах с различными типами социально-политического доступа, признавая необходимость сотрудничества, осознают и объясняют мировые процессы пока в основном в рамках переосмысленного реализма, неореализма или прагматизма и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа, требующего выработки новых способов и методов защиты своих национально-государственных интересов преимущественно несилowymi методами и способами, с внешними и внутренними аспектами проблематики экономической и политической модернизации и с наличием разных акторов международных отношений, не обязательно государствами и, возможно, уже по преимуществу не государствами. Реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию на разных уровнях и между государствами с разными типами социально-политического доступа, даже при стремлении укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, все же превращается в преобладающую тенденцию начала XXI в., которую мировые террористические акты не только не подорвали, а еще более укрепили.

Сложность нынешнего периода международных отношений связана с тем, что у государств, находящихся на разных временных этапах развития, охранительные тенденции и необходимость развития могут вступать в противоречие.

Мировое лидерство обеспечивается не только сегодняшним уровнем экономического, технологического и политического развития, но и способностью продуцировать социальные инновации, открывая новые пути социально-политического и технологического развития для всего человечества. Конкуренция на пути продвижения к новому, более совершенному технологическому и социальному укладу, требует производства

социальных, экономических и политических инноваций, которые являются базой для инноваций технологических. Сумевшие обеспечить продуцирование технологических и социальных инноваций подтвердят свой существующий статус или станут новыми мировыми лидерами. Кроме того, возникает и целая серия абсолютно новой проблематики сравнительно-политического характера, связанной с трансформацией и переформатированием мирового политического пространства: насколько новые формы демократии (в частности, восточной или шире – незападной демократии) и интеграции альтернативны существующим, какова их экономическая и политическая перспектива? Могут ли они каким-то образом повлиять или как-то скорректировать вектор мирового развития и/или повлиять на внешнеполитические стратегии государств?

Дело в том, что государства с порядком открытого доступа монополично контролируют легитимное применение насилия путем подчинения военных сил контролю политической системы, гарантирующей смену власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта способность основана на поддержке безличных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе. Для физической защиты своего населения экономически самые развитые государства открытого социального доступа создали и самый мощный в мире военно-политический блок НАТО. «Военная сила» этого блока «политически» подкрепляет поддержку распространения системы безличных отношений в более широком масштабе и, одновременно, гарантирует защиту системы открытого социального доступа извне. В государствах с другим типом социально-политического доступа или в государствах переходного типа по внутривнутриполитическим причинам это может рассматриваться как угроза. Распространение безличных отношений и безличных международных институтов кооперационного развития в целом способствует уменьшению опасностей столкновения прежде всего между государствами с открытым социальным доступом («демократии не воюют»), но и одновременно в том числе при ряде условий и государств с разными системами

социального доступа, ведь государства не разоружаются и продолжают поддерживать свою военную силу. Практика мирового политического взаимодействия показала, что военные противостояния на сегодняшнем этапе мирового развития уже не позволяют конструктивно решать вызовы безопасности и обеспечивать развитие. Такая постановка проблемы позволяет на основе прагматизма формировать внешнеполитические партнерства конструктивного типа, в том числе и между государствами с открытым и естественным типом социального доступа, строить «обезличенные» концепции внешнеполитического взаимодействия и теории внешнеполитической деятельности государства, максимально «абстрагируясь» от идеологического фактора в мировой политике и прагматично ориентируясь, прежде всего на кооперационное взаимодействие с государствами, внешняя политика которых в силу типа их социально-политического порядка является максимально предсказуемой, а уровень социальных и технологических инноваций которых позволяет модернизироваться и другим государствам. Такие прагматичные партнерства конструктивного типа позволяют снизить уровень военного балансирования и военных противостояний. Но достижение договоренностей и взаимопонимания между государствами с открытым и ограниченным типом социального доступа, особенно в период мировых кризисов и социально-экономической турбулентности достигаются значительно сложнее, требуют больших усилий, являются менее прочными и в большей степени зависят от политической конъюнктуры. Особенно вредят взаимопониманию внезапные немотивированные перемены политического курса: разрыв неформальных партнерств, внезапные переходы от строительства системы доступа одного типа к прямо противоположному, деконструкция республиканизма, демонтаж правового общества и опора на архаику, а во внешней политике переход к агрессивной автаркии, опоре на противостояния разного рода, включая военные приготовления, подготовку к войне, конфронтационную риторику, как, впрочем, и любые двойные стандарты, вмешательство во внутренние дела

под своекорыстными или эгоистическими предложениями, снобизм в решении глобальных проблем и т.д. Все это служит только подрыву взаимного доверия и разрушает взаимопонимание. Однако особенно опасными и государства с открытым доступом, и в равной степени подавляющее большинство государств с естественным (ограниченным) доступом, считает разрыв письменных соглашений, поскольку при нарушении неформальных соглашений упрекать можно только себя за непредусмотрительность или объяснять это изменившимися обстоятельствами; разрыв неформальных соглашений можно смириться и работать над восстановлением утерянного уровня отношений в будущем, а разрыв подписанных соглашений чреват подрывом международного права как всеобщей основы международного консенсуса и опасностью войны «всех против всех». Кризисы такого рода имеют серьезные последствия и разрешаются путем существенных усилий, нестандартных или ассиметричных решений, компромиссов и взаимных уступок.

Что же касается государств до-Вестфальского типа, то они могут создавать проблемы не только своим гражданам (гражданские войны, разрушенная экономика и т.п.), но и другим, поскольку именно на их территории, как правило, и создаются лагеря для тренировки террористов, очаги производства наркотиков, незаконной торговли оружием. Из этих стран, как правило, и устремляются потоки беженцев, там в силу их невысокого экономического и технологического развития возникают очаги эпидемий трудноизлечимых болезней. Так формируются своеобразные «серые зоны» мировой политики – территории, где деятельность центральных властей в значительной степени ограничена и где международному сообществу трудно предпринять какие-либо меры. Другую группу образуют государства, которые обладают суверенитетом, но которые противопоставили себя мировому сообществу. В таких государствах властные институты работают, но сами эти государства плохо вписываются в современную систему правил межгосударственного взаимодействия. Как правило, это жесткие авторитарные государ-

ства с сильной идеологической или религиозной ориентацией, практикующие насильственные формы мобилизации и социальной организации своего населения.

Как стало ясно в самом начале XXI в. после террористических актов в столицах ведущих государств с системой открытого социально-политического доступа, проблема выбора пути политического и экономического развития была секьютеризирована, т.е. стремление подорвать эволюционный путь трансформации мировой системы, затормозить или прервать силой формирование системы открытого социально-политического доступа насильственным путем, проверить на прочность тезис «демократии не воюют» (хотя демократии не воюют прежде всего между собой), попытка некоторыми религиозными автократиями насильственно подорвать с помощью террористических актов мировой тренд формирования глобальной демократии стали восприниматься как попытка силой повернуть вспять мировое развитие и подорвать глобальную стабильность, за которую было заплачено кровью миллионов людей во время Второй мировой войны, т.е. это стало восприниматься как проблема национальной безопасности в не меньшей степени, чем нелегитимное внешнее вмешательство извне во внутренние дела суверенного государства. Это, в конечном счете, и привело войнам в Кувейте, Афганистане, Ираке и Ливии.

На нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса и эволюционного развития государств с разными социально-политическими порядками оказалась в значительной степени подорвана усилиями безответственных политических игроков разных стран, хотя все основные параметры договорной системы существующего баланса все еще сохраняются. Раньше система баланса и мирного сосуществования двух систем поддерживалась наличием ядерного и военного паритета двух внеевропейских центров bipolarности (СССР и США) и двух типов социально-политического доступа в международной системе европейского типа, логика которого подчиняла все другие интересы

поддержанию этого паритета, поскольку в противном случае разразилась бы ядерная война. После распада биполярной системы Ялтинско-Потсдамский порядок начал медленную эволюционную трансформацию в новое качество, основанное на понимании, что постепенный эволюционный переход все большего количества национальных государств к системе открытого социально-политического доступа и постепенное мирополитическое форматирование следующей стадии мирового порядка в виде режима глобальной демократии фактически ликвидирует основу конфликтов старого типа, особенно, и в первую очередь – военных (войны за территорию, силовые приращения территории, а не расширение пространства взаимодействия и т.д.).

Дело в том, что в ходе мирового развития последних сорока лет правительств-сюзерен и политическая элита государства де-факто потеряли не только моральное, но и юридическое право делать все, что они хотят с населением своей страны. Если раньше сюзерен полностью вершил судьбы населения своей страны (хочу – убью, хочу – помилую), то к концу XX в. массовые репрессии, геноцид в отношении своего населения, неспровоцированные акты агрессии стали неприемлемы, что породило концепции «гуманитарной интервенции» и разного рода «принуждений к миру» со стороны мирового сообщества, направленных на обоснования права «принудительной коррекции» мировым сообществом такого рода актов для защиты гражданского населения. Также стала скрупулезно оцениваться способность политической элиты страны эффективно управлять «подведомственными» им территориями, поскольку возникла потребность в новой, модифицированной системе мирового / регионального регулирования и поддержания мировой стабильности на основе контроля ключевых параметров, которые позволяют сохранять стабильность, но в то же время не препятствуют развитию. Поскольку взаимозависимость мира стала всепроникающей, способность или неспособность национальных политических элит эффективно управлять национальными территориями стала затрагивать не только политическую

элику и население конкретной страны, но и все другие страны, с которыми они вступили в партнерские отношения. Это, в конечном счете, послужило возникновению, с одной стороны, феномена глобализации политики, с другой – к опасениям внешнего нелегитимного подрыва национальной системы обеспечения политического порядка, возможности «двойных стандартов» и нелегитимного вмешательства во внутренние дела других государств под надуманными, а возможно и эгоистическими или даже своекорыстными предложениями.

Процесс трансформации существующей версии мирового порядка в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным в связи с появлением новых негосударственных акторов мировой политики и происходящей эволюцией категории национального суверенитета, воспринимаемой достаточно болезненно во всех региональных сегментах мира (в ЕС в связи с бюджетным дефицитом Греции, Италии, Португалии и Франции и формированием внешнеполитического и военного ведомства ЕС, в России и Китае в связи с опасениями внешнего нелегитимного «подталкивания» этой эволюции и политики «двойных стандартов», в Иране и КНДР в связи с иракскими, ливийскими, сирийскими событиями и наличием жестко закрытых конфессиональных или идеологических режимов, фактически не имеющих конструктивных внешнеполитических партнеров т.д.), но одновременно он еще очень далек от своего завершения. В то же время эволюционная трансформация мирового порядка, а не его силовой слом, устраивает практически всех основных участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнями своего населения и сохраняя существующий национальный уровень экономического развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, т.е. использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе, а, заняв более благоприятное место, конструктивно участвовать в трансформации этой системы мировым сообществом максимально благоприятным

для своей нации образом, затрачивая усилия в основном на переформулирование и коррекцию правил функционирования мировой системы, а не на затратные или даже губительные в современных условиях опасности применения оружия массового уничтожения с точки зрения внутреннего экономического развития, демографического потенциала и часто также затратные, но мало эффективные в целом, с точки зрения решения долгосрочных задач, военно-силовые способы решения проблем. Другое дело, что в ходе такой конкуренции выявились не только модели «догоняющего», но и «неуспевающего» развития. Политические элиты таких государств должны объяснять своему населению, в чем причины отставания. Часто вместо объяснений и выяснения причин отставания происходит переориентация на автаркию и поиск внешних и/или внутренних врагов.

Кроме того, в последние десятилетия возникла дискуссия о путях построения порядков открытого социально-политического доступа в разной региональной реальности и при разной степени влияния национально-исторической специфики (дискуссия о демократии в России и Китае). Необходимость монополярной консолидации определений вариативности параметров и характеристик тех или иных политических режимов как успешно построивших порядок открытого социально-политического доступа связана как с относительно небольшим количеством государств зрелой степени открытости социально-политического доступа, так и наличием между ними тесных военно-политических отношений в рамках военно-политического блока НАТО и ряда двусторонних военно-политических союзов. Необходимость интеллектуальной демополизации вариативности построения порядков открытого доступа связана с переходом мировой системы в состояние полицентричности. В тоже время логика перехода от униполярности, требовавшей от лидера мировой системы неуклонного ослабления всех других конкурирующих центров силы и влияния, к многополярности, сместившей акцент в сторону необходимости для лидера построения системы максимально дружественных отношений с другими цен-

трами силы и влияния в мировой системе, ставит вопрос о возможности конкуренции региональных вариантов порядка открытого социально-политического доступа (тем более путей его построения) при сохранении общего понимания его базисных характеристик без неуклонного усиления военно-политического противостояния глобальных регионов или ослабления самой системы открытого доступа, а также при понимании необходимости формирования новых партнерств конструктивного, а не деструктивного типа.

Создав и начав распространять систему институтов открытого социального порядка, Запад открыл эпоху освоения этих институтов другими государствами, в том числе и восточными, которые получили возможность конкурировать с Западом на пути создания более приспособленных, т.е. более конкурентных региональных версий такого порядка в рамках единого тесно переплетенного, взаимосвязанного и взаимоперекрываемого пространства мировой политики, экономики, безопасности. Наиболее яркий пример этому – Китай, который в рамках эволюции гибридного политического режима успешно обеспечил легитимизацию разных форм собственности через систему «трех представительств» (саньгэ дайбяо), инкорпорирование всех прогрессивных политических сил в эволюционирующую «полупартийную» политическую систему, регулярную сменяемость высшего руководства и коллегиальность принятия решений при персональной ответственности высшего руководителя в соответствии с достаточно транспарентными юридически прописанными правилами, законодательно закрепленные принципы мирного сосуществования и юридическую кодификацию применения военной силы против Тайваня как историко-географической части единого Китая, т.е. Китая одной цивилизации и одного этноса, но состоящего из двух географических частей, управляющихся де-факто разными политическими режимами с разными типами социально-политического доступа. На 4 пленуме ЦК 18 созыва (октябрь 2014 г.) КПК провозгласила курс на построение правового государства, опору на право,

т.е. продвинулась дальше в практическом построении провозглашенного ранее курса на построение в Китае гармоничного общества и правового государства.

Сегодня построение системы открытого социально-политического доступа «обособленно», т.е. вне единого и тесно сплетенного пространства политики, экономики, правовых норм и безопасности маловероятно, а построение каких-либо реальных альтернатив не просматривается. Путь опоры только на собственные силы априори экономически более затратен, чем внутренние трансформации на основе укрепления и расширения мирового пространства коллективной безопасности, международного права, единых политических и экономических представлений. Поступательное продвижение по пути построения национальной версии порядка открытого социально-политического доступа в России даст возможность решать вопросы национального развития и модернизации, не отвлекаясь на излишние траты бюджетных средств на вооружения, но и не забывая о своей обороноспособности. Такой путь дает возможность избежать нелегитимного насилия в отношении граждан страны, использовать наднациональные / транснациональные источники для инвестиций, технологической и институциональной модернизации своего национального государства, повышая уровень и качество жизни своего населения на территории своей страны и ориентирует страну на будущее, а не на настоящее или тем более прошлое.

Для России важнейшей стратегической задачей является не дать втянуть себя в такую геополитическую конфигурацию, которая «заморозит» ее внутриполитическое и экономическое развитие, станет препятствовать формированию прагматичных партнерств конструктивного типа и эволюционному переходу к более эффективным и современным этапам социально-политического доступа, противопоставит государствам, имеющим более высокий инновационно-технологический уровень, и отрежет от превалирующей в мире модели социально-экономической интеграции открытого типа, на основе которой формируется новое качество взаимозависимости и

сопряженности мирового регионально сегментированного политико-экономического пространства, так как в этом случае Россия теряет шанс на использование широкого регионального и международного ресурса для инвестирования в экономическое, социальное и инновационно-технологическое развитие страны и вынуждена будет увеличивать свои затраты на поддержание военного паритета с превосходящими военными коалициями и «идеологическое обеспечение» своей новой закрытости от мира, делигитимизирующей ее политическое устройство. Псевдонеобходимые военные паритеты, понимаемые в русле устаревающей реалистической парадигмы межгосударственного соперничества, отбросят назад экономическое и политическое развитие страны и помешают осуществлению задачи «сохранения» народа и политической и экономической модернизации. Т.е. долгосрочной задачей для России становится минимизация разрывов во взаимосвязанном политико-экономическом и социально-культурном пространстве Европы и Восточной Азии с акцентом на конструктивной, прогрессирующей «общности», стимулирующей поступательный эволюционный переход к более совершенным этапам социального доступа, а не моделей политического устройства, способствующих деградации страны, ее «противопоставленности», «закрытости» или «особости». Форма осуществления такой политики – прагматичное и конструктивное «расширение» единого, взаимосвязанного и консенсусно упорядоченного трансграничного и трансрегионального пространства политики, экономики и безопасности «через» Россию с максимальным включением ее в это формирующееся трансрегиональное пространство более высокого уровня, а внутриполитической задачей – такое развитие инфраструктуры, эффективности государства на конкретном историческом этапе порядка социально-политического доступа, которое будет способствовать максимальному прогрессивному сопряжению и взаимосвязанности российского пространства (экономического и политического) с его евро-атлантическим и тихоокеанским изменением таким образом, чтобы этот процесс

способствовал политическому и экономическому развитию России, а не ее деградации и/или архаизации политического и экономического устройства.

* * *

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в существующие в настоящее время в мировом сообществе концепции и параметры взаимосвязи внешней и внутренней политики, включая концепции регионально-национальных моделей демократического правления, международно-политических регионов разных структурных типов, региональных подсистем со своим своеобразием внутреннего устройства и системы мировосприятия дискуссионны, но именно эти дискуссии и определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй четверти XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями:

– Происходит трансформация Вестфальской системы: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство – не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют в новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, не является достаточным, но и не оспаривает понятие глобальности современных международных отношений.

– Не учитывается наднациональная и транснациональная составляющая мировых процессов, которая охватывает не только одно государство, но и региональные группы государств и отдельные части государств. Не учитывается также явное противоречие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. К примеру, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание также деятельность негосударственных акторов, а также комплекс вызовов и угроз, источником которых не яв-

ляется государство в прямом смысле слова (к примеру, террористические группировки, наркокартели). Предложенный в неорационалистских концепциях (концепции «новых центров силы», «возвращения истории» в национальных государствах и макро-регионах мира с архаизированным внутренним структурным устройством и/или типом социально-политического доступа) не дает адекватного понимания контекста транснациональности и трансрегиональности эволюционирующей и трансформирующейся мировой системы отношений.

– Проблематика «нового качества» границ (концепции «проницаемости границы»), границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимодействия и взаимодействия, границ «трансформеров», не мешающих развитию трансграничных процессов) трудно концептуализируется и встраивается в традиционные теории международных отношений, акцентирующих внимание только на государстве как единственном полноценном акторе международных отношений.

– В мире явственно происходят процессы «теневого интеграции» регионов – «стягивания» за счет нетрадиционных / неформальных / неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции (макрорегионализация). Современные исследователи предусматривают возможность трансформации регионального комплекса. В то же время механизм подобной трансформации и, в частности, его конкретная политико-экономическая и социально-политическая составляющие, пока не совсем ясны: трансформация в ряде случаев сопровождалась беспрецедентным падением уровня жизни населения, что, соответственно, затрудняло выработку практических рекомендаций. Кроме того, в международных отношениях в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых «внешних» для других участников процессов и трендов (к примеру, нетрадиционных угроз безопасности), а также такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному

охвату, нежели национальное государство, либо группа государств. Дальнейшая теоретическая и практическая концептуализация взаимосвязи мировых внешних и внутренних процессов, в том числе и их политической составляющей, позволяет разрабатывать

прикладные теории конкурентных моделей регионального и национального развития, основанных на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации и развития при адекватной защите своих национальных интересов.

Роль Запада в формировании международной системы и политика России

Алексей Дмитриевич Воскресенский, профессор, доктор политических наук, PhD (Манчестерский университет), декан факультета политологии МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика»

***Аннотация:** Сосуществование современностей разного структурного типа на разной исторической основе и с разной системно-структурной организацией приводит к тому, что в одном пространственно-временном ряду международных отношений сосуществуют традиционные и новые акторы, а макрорегионы и национальные государства дифференцируются в соответствии со структурными принципами организации. Тип политического доступа в конкретных национальных государствах, сочетание разных типов политического доступа в макрорегионах разной структурной организации, находящихся на разных исторических этапах развития, в конечном счете, влияет на стратегии развития, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, продолжают в значительной степени определять процессы формирования пространства мировой политики. Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социально-политического доступа в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространства мировой политики и заниматься социальной инженерией форматирования национального и мирового пространства с целью максимизации преимуществ для поступательного национального развития. Теоретическая и практическая концептуализация взаимосвязи мировых внешних и внутренних процессов, в том числе и их политической составляющей, позволяет разрабатывать прикладные теории конкурентных моделей регионального и национального развития, основанных на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации и развития при адекватной защите своих национальных интересов.*

***Ключевые слова:** Современность, мировая политика, международные отношения, акторы, регионы, политический доступ, приоритеты внешней политики, мировое пространство, социальная инженерия, национальное развитие, национальные интересы, кооперативистское начало.*

The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics

Alexei Dmitrievich Voskressenski, Professor, Dr.Pol.Sc., PhD
(University of Manchester), Dean of the School of Political Affairs and
World Politics (MGIMO University), Editor-in-Chief of Comparative
Politics, Russia

***Abstract:** Coexistence of structurally different modernities with various historical backgrounds and systemic/structural organizations leads to the coexistence of different traditional and new actors within the same spatial-temporal continuum of international relations, with macroregions and nation-states differentiating in accordance with structural principles of their organization. The type of political access in particular nation-states and the combination of different types of political access in macroregions of different structural organizations and historical phase, ultimately determine a development strategy, the tone and priorities of foreign policy of states which still have powerful influence on further evolution of world politics space. Identifying such interrelations helps to analyze the impact of the type of social and political access within states, coalitions of states and global regions on the evolution and features of world politics space as well as to employ social engineering of national and global space to maximize benefits in the process of social development. Theoretical and empirical conceptualization of interdependence between external and internal processes, including political component, makes it possible to develop applied theories of competitive regional and national development patterns based on higher cooperative trends in national strategies for modernization and development while defending adequately national interests.*

***Ключевые слова:** modernity, world politics, international relations, actors, regions, political access, foreign policy priorities, world space, social engineering, national development, national development, national interests, cooperation.*